

● ГАСТРОЛЬНОЕ ЛЕТО

«МНЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ ПОВЕЗЛО...»

ЧТО ТАКОЕ современный актер? Сколько раз задавали этот вопрос и сколько раз отвечали... Отвечают обычно так: «Современный — значит умный, технически оснащенный, образованный, понимающий, что происходит в мире, а следовательно, гражданин. И само собой разумеется — талантливый». Если провести опрос среди актеров, то ни одного «несовременного» не окажется. Кто же усомнится в своих способностях и кто про себя скажет: «Я обыватель», «я не гражданин»?

Мне кажется, что каждый современный актер должен найти свою тему. Тема может расширяться, видоизменяться, но она должна быть.

В течение многих лет мне пришлось играть так называемых «маленьких людей». С этим определением мы знакомимся еще в школе, когда педагоги рассказывают нам о героях Гоголя или Чехова. И все знают — Акакий Акакиевич или Медведенко в «Чайке» — «маленький человек».

Меня почему-то это определение всегда раздражало, в нем слышалось что-то снисходительное... Нет, человек не должен быть маленьким! Маленький человек — это тот, который выключил свой мозг, подогнул колени и приобрел для лица маску жалости или всеготовности. Но это сделал он сам. Потухший и смирившийся человек не может вызвать ни любви, ни уважения. Может быть,

только жалость, а это чувство, унижающее человеческое достоинство.

Мне посчастливилось сыграть один из драматичнейших образов Федора Михайловича Достоевского — штабс-капитана Снегирева в пьесе Виктора Сергеевича Розова «Брат Алеша» по мотиву романа «Братья Карамазовы». Розов взял тему, которая обычно не входила в инсценировки и экранизации романа. Семейство Снегиревых находится на грани отчаяния: полная нищета, большие дети, сумасшедшая жена... Когда-то в Московском Художественном театре Снегирева играл Москвин. Говорят, что играл потрясающе. Играл высшую меру унижения и раздавленности. Конечно, я не собирался вступать в спор с великим Москвиным. Просто я думал иначе. Нет, не унижение и раздавленность, а протест против унижения, вызов жизни, которая загоняет в угол, которая держит сердце в кулаке и сжимает по своей прихоти. И в этом величие этого маленького человека.

И обратная сторона этой темы: зло. В многосерийном телевизионном фильме «Семнадцать мгновений весны» мне пришлось играть самого отвратительного человека: провокатора Клауса. Я долго думал, как эту небольшую роль, даже эпизод, сделать не плоским, не однозначным. И нашел, ухватившись за одну реплику. В

сценарии Штирлиц обращается к Клаусу с вопросом: «А вы не пробовали писать?» И тот отвечает: «Нет. Вот за это «нет» я и ухватился. Конечно же, он пробовал писать, мечтал стать писателем и наверняка мечтал стать хорошим писателем. Но не получилось. Скорее всего просто не хватило таланта. Не всем же дано стать писателем. И вот тогда свою несостоятельность Клаус обращает в ненависть: «Ах вот как! Значит, я не талант?! Вы меня не признаете? Тогда я буду мстить. И буду мстить жестоко». И он становится творцом провокации, ее поэтом. Поэтом самого низменного, что может быть. И маленький человек становится большим злом. И, кроме страшного зла, он ничего не может принести людям...

Много в Москве театров, но не во все записываются по ночам, не обо всех идут бурные споры, не у всех свой зритель. Говорят, раньше «ходили» на актеров, теперь «ходят» на режиссеров. Это закономерное.

Без режиссуры современ-

ный театр невозможен. Жизнь идет, несется вперед, и сегодня нельзя ставить бездумно: вот мы собрались, выучили текст, надели костюмы, и пошло. Нет, необходима трактовка, необходимо точное знание «о чем».

Трактовка! Смысл!

Мне на всю жизнь повезло. Работаю с режиссерами, творческий метод, процесс работы, гражданская позиция которых мне близки. В театре вообще очень важно содружество, взаимопонимание. Тогда вся энергия, весь темперамент, все мысли отдаются творчеству. Тогда рождаются настоящая атмосфера репетиции, раскованность, импровизация.

Все в театре знают, сколь трудна профессия режиссера, но многие втайне о ней мечтают. В этом году впервые выступил и я как режиссер — постановщик. До этого я был сопостановщиком в работе над «Трибуналом» А. Макаенка и «Снятым и назначенным» Я. Волчека.

Думаю, не будет преувеличением сказать, что «Обвинительное заключение» Н. Думбадзе переключается и с темами Достоевского, и с «Калиной красной» В. Шук-

шина. Судьба человека, преступившего закон, нарушившего правила, по которым должны жить люди, разве такая судьба не может взволновать нас?

Преступник, нарушивший закон, должен понести наказание, определяемое этим законом, должен быть изолирован от общества. Но сам от себя человек не может «изолироваться». Куда уйти от суда собственной совести, от страшных мучительных воспоминаний, от желания стереть их в своей памяти, изменить прошлое? Действие пьесы «Обвинительное заключение» происходит в камере предварительного заключения. Разные преступления свели в ней разных людей. И разная мера ощущения каждым своей вины, отсюда и суда над собой... Спектакль вводит зрителей в достаточно страшный мир, но делаем мы это только с одной целью — чтобы еще раз предупредить всех — будьте ответственны за свои поступки. Закон есть закон...

Сейчас я думаю о постановке «Леса» А. Островского. «Лес» для меня понятие символическое — это лес страстей и страстишек человеческих, стремлений и желаний, возвышающий человека и мелких, корыстных, ничтожных, любви прекрасной и будто бы злой пародии на нее. Мне бы хотелось сыграть Аркашку. И все-таки я считаю, что режиссер не должен играть в своих спектаклях. Участвуя в спектакле, трудно видеть его со стороны. Вопрос «быть или не быть актером», «быть или не быть режиссером» для меня не стоит.

Думаю, мечтаю, надеюсь остаться в этих двух ипостасях.

Л. ДУРОВ

заслуженный артист РСФСР, актер Московского драматического театра на Малой Бронной.

НА СНИМКЕ: Л. Дуров в сцене из спектакля «Брат Алеша».

Фото М. Гутермана.

14 2 ИЮНЬ 1977

ГОРЬКОВСКИЕ ПРАВДЫ
Г. ГОРЬКИЙ